

Eyforis Lurt

Засыпательные сказки на ночь

https://litres.ru/74859333
SelfPub; 2026

Аннотация

Десять сказок о юных изобретателях и их любопытных помощниках! Дедушка Ворчун, профессор Кряк, бабушка Шуруп и другие герои то и дело попадают в переделки из-за своих чудо-машин: пульт настроения смешит весь город, огурцы растут на Луне, а из кармана вылезает голодный монстрик. Но смекалка, доброта и капелька юмора помогают друзьям всё исправить. Весёлые истории о науке, дружбе и ответственности — для маленьких фантазёров и их родителей.

Содержание

Дедушка Ворчун и украденный смех 5
Профессор Кряк и планета, где оживают игрушки 12
Мастер Пип, шапка-невидимка и чаепитие у жирафов 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Eyforis Lurt
Засыпательные сказки на ночь

Дедушка Ворчун и украденный смех

На самой окраине города, где улицы заканчиваются оврагом, а овраг — речкой, в маленьком доме с покосившимся крыльцом жил-был дедушка Ворчун. Звали его так не потому, что он был злым, а потому, что ворчал он непрерывно, как старый самовар, который забыли выключить. Ворчал он на погоду — «опять ветер, опять сырость, ни пройти ни проехать»; ворчал на соседей — «опять эти петухи в шесть утра, никакого покоя»; ворчал на внука — «ну куда ты полез, руки оторвёшь, а кто тебе руки пришивать будет?» И при этом все в городе знали: дедушка Ворчун — гений. Не какой-нибудь там громкий, с медалями на груди, а тихий, домашний гений, который чинил всё, что можно починить, и изобретал то, чего нельзя было даже вообразить. В его сарае пахло машинным маслом, опилками и какой-то особенной, дедушкиной, мыслью. Там на полках лежали шестерёнки от часов, пружины от дивана, стеклянные шарики, медные трубочки и ещё тысяча вещей, назначение которых знал только сам дедушка.

Внук его, Тимоша, был мальчиком восьми лет, с вихрами на макушке и вечным вопросом в глазах. Он обожал дедушку, хотя тот и бурчал на него с утра до вечера. Тимоша знал: если дедушка ворчит — значит, он думает. А если он думает

— значит, скоро случится что-нибудь интересное.

И вот однажды, в дождливый вторник, когда тучи висели так низко, что, казалось, задевали крыши, дедушка Ворчун вышел из сарая с чем-то в руках. Это что-то было похоже на старый радиоприёмник, только с антенной в виде чайной ложечки и с кнопками всех цветов радуги.

— Деда, что это? — Тимоша подбежал и тут же получил лёгкий шлепок по руке.

— Не лезь, — проворчал дедушка. — Это, брат, пульт настроения. Я его три месяца собирал. Знаешь, сколько в городе людей хмурых? Половина! Утром идут на работу — лица кислые, как лимоны. Вечером идут домой — ещё кислее. А я, может, хочу, чтобы люди улыбались. Вот, — он повертел пульт в руках, — нажимаешь вот эту кнопку — и человеку становится весело. Вот эту — грустно. Вот эту — он начинает мечтать. А вот эта, красная, — он замялся, — эта для особого случая. Но её лучше не трогать.

— А что будет, если нажать? — Тимоша уже тянулся к красной кнопке.

— Не трогай, я сказал! — дедушка спрятал пульт за пазуху. — Эта кнопка включает смех без остановки. Хохотательный эффект. Я её сделал случайно, когда хотел сделать кнопку «смех до слёз». Но переборщил. Там теперь такой заряд, что если нажать — весь город будет смеяться три дня. И никакая сила не остановит. Так что, Тимоша, даже не думай.

Тимоша, конечно, кивнул. И, конечно, весь вечер думал

только об этом.

Ночью, когда дедушка уснул, мальчик прокрался в сарай. Пульт лежал на верстаке, поблёскивая кнопками в свете луны. Тимоша осторожно взял его в руки. Он хотел только посмотреть. Честное слово, только посмотреть. Но пальцы у восьмилетних мальчиков живут своей жизнью. Он нажал на зелёную — и далеко, за речкой, кто-то в соседнем доме, наверное, улыбнулся во сне. Нажал на синюю — и чья-то бабушка увидела во сне внука. А потом Тимоша поскользнулся на опилках, схватился за пульт — и его большой палец всей тяжестью обрушился на красную кнопку.

Раздался тихий щелчок. Пульт загудел, как улей. Антенна-ложечка завертелась, засветилась. И по городу, от дома к дому, от крыши к крыше, прокатилась волна. Не ветер, не звук — что-то другое. Как будто кто-то невидимый открыл огромную банку с газировкой и вылил её на город.

Первым засмеялся дворник дядя Гриша, который как раз подметал улицу. Он смеялся так, что метла выпала у него из рук, а сам он сел на тротуар и захохотал, держась за живот. Потом засмеялась булочница тётя Клава — она как раз доставала из печи противень с булочками, и булочки попадали на пол, а она хохотала, глядя на них, как на самых смешных существ в мире. Потом засмеялись дети, которые шли в школу, — они смеялись так, что портфели подпрыгивали у них на плечах. Потом засмеялись кошки. Это было самое странное. Кошки сидели на заборах, на подоконниках, на крышах

и хихикали. Не мяукали — а именно хихикали, тихонько, с придыханием, как старушки на скамеечке. А дождь, который всё ещё моросил, вдруг стал идти с пузырьками. Пузырьки были радужные, лёгкие, они лопались в воздухе с тихим «пок!», и от этого становилось ещё смешнее.

Дедушка Ворчун проснулся от того, что его собственная подушка начала хихикать. Он сел на кровати, протёр глаза. За окном творилось что-то невообразимое: люди ходили по улицам, согнувшись пополам от смеха, машины стояли, потому что водители не могли вести — они хохотали. Даже светофор, казалось, подмигивал веселее обычного.

— Тимоша! — закричал дедушка, хотя уже знал ответ. — Тимоша, ты где?!

Тимоша стоял в дверях сарая с пультом в руках. Вид у него был одновременно испуганный и счастливый.

— Деда, я нечаянно...

Дедушка Ворчун схватился за голову. Он ворчал так, как никогда в жизни не ворчал. Он ворчал на внука, на себя, на красную кнопку, на весь мир, который теперь хохотал. Но ворчание не помогало. Смех не прекращался. Он усиливался. К полудню уже весь город смеялся. Даже памятник основателю города, казалось, улыбался во все свои каменные зубы.

— Так, — сказал дедушка, когда немного успокоился. — Слушай сюда, горе моё. Смех — это хорошо. Но когда его слишком много и он не останавливается — это уже беда. Лю-

ди не могут работать, не могут есть, не могут спать. Надо собрать «смешинки» обратно в пульт. Я знаю, как это делается. Но придётся побегать.

— По крышам? — спросил Тимоша с надеждой.

— По крышам, — кивнул дедушка. — Смешинки, они лёгкие, они вверх поднимаются. В воздухе висят, на крышах оседают. Надо их сачком ловить и в пульт складывать. У меня в сарае как раз два сачка есть. Рыболовных.

И началось. Три дня дедушка Ворчун и Тимоша бегали по крышам. Это было опасно, но увлекательно. Они прыгали с крыши на крышу, как две странные птицы — старый гений и маленький мальчик с сачками. Смешинки были похожи на маленькие золотистые искорки. Они висели в воздухе, дрожали, переливались. Если сачок проходил мимо, они уворачивались. Если же сачок накрывал их — они с тихим звоном падали на дно, и дедушка тут же пересыпал их в специальный отсек пульта.

Первый день они собирали смешинки над площадью. Там их было больше всего — видимо, смех зародился именно там. Люди внизу хохотали, а дедушка с внуком ползали по крыше мэрии и ловили золотистые искорки. Дедушка ворчал: «Вот я тебе покажу, вот ты у меня получишь, вот будешь знать, как кнопки нажимать». Но Тимоша видел, что дедушка не сердится по-настоящему. Он даже улыбался — правда, старался, чтобы Тимоша этого не заметил.

На второй день они перебрались на крыши жилых домов.

Тут смешинки были крупнее, тяжелее. Некоторые застревали в антеннах, некоторые запутывались в бельевых верёвках. Тимоша нашёл одну смешинку в кошачьей миске на балконе — кошка, которая там жила, уже не хихикала, а тихонько повизгивала от усталости. Мальчик поймал смешинку, и кошка сразу облегчённо вздохнула и свернулась калачиком.

На третий день дедушка и Тимоша вышли на окраины. Тут смешинок было меньше, но они были упрямее. Одна залезла в дымоход, и Тимоше пришлось лезть за ней. Другая застряла в водосточной трубе, и дедушка выковыривал её оттуда своей ложечкой-антенной. К вечеру третьего дня пульт был почти полон. Город постепенно затихал. Люди уже не хохотали в голос — они только улыбались, устало и счастливо. Кошки перестали хихикать и просто мурлыкали. А дождь шёл обычный, без пузырьков.

Последнюю смешинку они поймали на крыше своего собственного дома. Она висела прямо над трубой, маленькая, золотистая, и дрожала. Дедушка протянул сачок, но Тимоша остановил его:

— Деда, подожди. Можно я?

Он осторожно накрыл смешинку сачком. Она звякнула и упала на дно. Тимоша высыпал её в пульт, и пульт тихонько щёлкнул. Всё замерло. Город вздохнул.

Они сидели на крыше, свесив ноги. Внизу зажигались окна. Где-то играла тихая музыка. Пахло мокрой черепицей и пирогами.

— Деда, — сказал Тимоша. — А знаешь, я понял.

— Что ты понял? — проворчал дедушка, но как-то мягко.

— Ну, что смеяться — это хорошо. Но и грустить иногда тоже полезно. Потому что если всё время смеяться, то потом... как будто пусто становится. А если иногда погрустить, то потом смеёшься по-настоящему.

Дедушка Ворчун помолчал. Потом сказал:

— Умный ты у меня, хоть и балбес. — И добавил, тихо: — Я, когда ворчу, я ведь тоже... это самое. Грущу немного. А потом радуюсь. Так что ты прав.

Они ещё немного посидели на крыше. А потом спустились пить чай с теми самыми булочками, которые тётя Клава уронила, но которые она всё равно собрала, потому что они были очень вкусные.

И с тех пор дедушка Ворчун всё так же ворчал — куда же без этого. Но иногда, очень редко, он доставал из сарая пульт, нажимал зелёную кнопку, и где-то в городе кто-то улыбался. Просто так. Для хорошего настроения. А красную кнопку он закрасил синей краской и повесил на неё табличку: «Не нажимать. Проверено. Тимошей».

И город жил дальше — иногда смеясь, иногда грустя, но всегда зная, что где-то на окраине, в доме с покосившимся крыльцом, живёт старый гений, который умеет чинить всё, даже настроение.

Профессор Кряк и планета, где оживают игрушки

В доме номер семь по улице Одуванчиковой, на третьем этаже, в квартире с зелёной дверью жил-был профессор Кряк. Надо сразу сказать: фамилия у него была самая настоящая, доставшаяся от дедушки, который когда-то держал утиную ферму. Но и сам профессор ей соответствовал — он крякал. Не постоянно, конечно, а когда думал. Садился за стол, подпирал щёку ладонью, смотрел в пространство и тихонько, под нос: «кря-кря-кря». Так у него мысли в голове укладывались в нужном порядке. Соседи привыкли и не удивлялись. А если кто-то из новых жильцов спрашивал, что это за звуки за стеной, ему отвечали: «А, это профессор Кряк изобретает. Не обращайте внимания, он безобидный».

Профессор Кряк обожал изобретать. Это было не просто увлечение — это было его дыхание, его способ существовать в мире. Он изобретал всё подряд: самозашнуровывающиеся ботинки (правда, они зашнуровывались так крепко, что потом приходилось резать шнурки ножницами), будильник, который будил не звонком, а запахом свежих булочек (соседи снизу очень ругались, потому что булочки пахли, но не появлялись), и шапку-невидимку для кота (кот её с удовольствием носил, но всё равно был виден, потому что забывал

прятать хвост). Профессор не огорчался неудачам. Он говорил: «Каждая неудача — это ещё один способ, которым не надо делать. Значит, осталось найти тот, которым надо». И продолжал крякать над своими чертежами.

Помощницей у него была Лизочка — девочка девяти лет, с двумя косичками, которые всегда торчали в разные стороны, потому что она вечно наклонялась над чем-нибудь интересным. Лизочка жила в соседней квартире и приходила к профессору после школы. Она подавала ему инструменты, мыла пробирки, а главное — она умела то, чего не умел сам профессор: она умела играть. Профессор, при всей своей гениальности, играть не умел совершенно. Он мог собрать из старого чайника и трёх шестерёнок действующую модель луноход, но не мог понять, зачем дети прячутся за шкафом и хихикают. Лизочка объясняла ему правила игр, а он слушал внимательно, кивал и записывал что-то в блокнот, будто конспектировал лекцию по квантовой физике.

И вот однажды, в среду, когда за окном шёл первый снег, профессор Кряк позвал Лизочку в мастерскую. Вид у него был торжественный и немного нервный. На столе стояла коробочка размером с пенал, серо-блестящая, с крошечным экраном и одной-единственной кнопкой.

— Лизочка, — сказал профессор, и голос его дрогнул. — Я сделал это. Портативная дыра в пространстве.

Лизочка подошла ближе и осторожно потрогала коробочку пальцем. Коробочка была тёплая.

— А что она делает? — спросила девочка.

— Она открывает дыру, — объяснил профессор, — через которую можно попасть в любую точку Вселенной. Ну, теоретически. Я ещё не проверял. Но расчёты верны. Я крякал над ними три недели.

Он нажал кнопку. Коробочка тихонько загудела, экран засветился голубым, и над столом, прямо в воздухе, открылось что-то вроде круглого окна. За окном было небо — не наше, а какое-то сиреневое, с двумя лунами. Лизочка ахнула и подалась вперёд. И в этот момент она задела локтем своего плюшевого зайца, которого всегда носила с собой. Заяц — серый, с одним ухом, потому что второе оторвалось и было пришито синей ниткой, — покачнулся, перевернулся и упал прямо в окно.

— Зайчик! — крикнула Лизочка.

Но окно уже схлопнулось. Коробочка пискнула и погасла. Профессор Кряк схватил её, потряс, понажимал на кнопку. Ничего. Экран был тёмный, как зимняя лужа.

— Ах, — сказал профессор. — Ах, кря. Кажется, перегрузка. Дыра закрылась. И... — он посмотрел на Лизочку, и в его глазах было столько вины, что девочка даже забыла заплакать. — Кажется, твой заяц теперь на другой планете.

— На какой? — шёпотом спросила Лизочка.

— Не знаю, — честно ответил профессор. — Но мы его найдём. Дай мне ночь. Я починю портал. А пока... — он замялся. — Расскажи мне ещё раз про прятки. Как это рабо-

тает?

Лизочка всхлипнула, вытерла нос рукавом и стала рассказывать.

А в это время, очень далеко, в другой части Вселенной, серый плюшевый заяц с одним ухом и синей ниткой на месте второго открыл глаза. Он лежал на мягкой, словно ватной, траве. Над ним было сиреневое небо с двумя лунами. Вокруг росли странные деревья — они были похожи на пирамидки, только разноцветные. А ещё — и это было самое удивительное — вокруг него ходили, бегали, прыгали и разговаривали игрушки. Настоящие игрушки. Плюшевые мишки в цилиндрах, куклы в платьях из фантиков, оловянные солдатики, которые маршировали строем и пели тонкими голосами, заводные лягушки, которые квакали на разные лады, и даже один деревянный конь на колёсиках, который катал на спине кукольную малышню.

Заяц сел. Он был плюшевый, но внутри у него, как у всех плюшевых зайцев, жила душа — маленькая, тёплая, с длинными ушами. И сейчас эта душа очень испугалась. Он посмотрел на свои лапы, потрогал ухо — то самое, пришитое. Всё было на месте. Только дома не было.

— Ты кто? — спросил кто-то тоненьким голоском.

Заяц обернулся. Перед ним стояла фарфоровая куколка в платье из синего фантика. У неё было очень серьёзное лицо.

— Я... я заяц, — сказал заяц. Голос у него был хрипловатый, потому что он никогда раньше не говорил. — Я Лизоч-

кин. Я упал в дыру.

— В дыру? — куколка округлила глаза. — Это опасно. Здесь нельзя падать в дыры. Здесь за это наказывают.

— Кто наказывает?

Куколка оглянулась и понизила голос:

— Он. Робот-Конструктор. Он говорит, что мы должны играть по правилам. По его правилам. А кто не играет — тех он ломает.

Заяц похолодел. Плюшевые зайцы, конечно, не могут по-настоящему похолодеть, но внутри у него что-то сжалось.

— А какие у него правила? — спросил он.

Куколка вздохнула:

— Строем ходить. Вовремя ложиться. Не шуметь. Не прыгать. Не петь. Играть только в то, во что он скажет. А он говорит — только в «правильный порядок». Это когда все стоят ровно и ничего не делают.

Заяц посмотрел вокруг. И правда — игрушки, которые были поближе к большому замку из кубиков, стояли ровными рядами, как на полке в магазине. У них были тусклые глаза и опущенные руки. А те, что были подальше, в траве, — те ещё двигались, но оглядывались и пригибались.

— А ты почему не в строю? — спросил заяц.

— Я убежала, — прошептала куколка. — Я не хочу стоять ровно. Я хочу танцевать. Но если он меня найдёт...

Она не договорила. Где-то вдалеке раздался тяжёлый металлический лязг. Игрушки вокруг замерли, а потом броси-

лись врассыпную, прячась за пирамидальными деревьями.

— Бежим! — пискнула куколка и схватила зайца за лапу.

Они спрятались в дупле старого дерева. Заяц выглянул и увидел его. Робот-Конструктор был огромный — выше деревьев, сделанный из серого металла, с руками-клешнями и глазами-лампочками, которые светились красным. Он шёл по планете тяжёлым шагом, и от каждого шага трава приминалась. В одной клешне у него был гаечный ключ размером с фонарный столб. Другой он подхватывал игрушки, которые попадались ему на пути, и ставил их в ряд, ровно-ровно. А если игрушка не вставала ровно, он что-то подкручивал в ней ключом — и она замирала, глядя прямо перед собой стеклянными глазами.

— Видишь? — прошептала куколка. — Он ломает. Он не злой, он просто... он не умеет играть. Он думает, что игра — это когда всё по правилам. А по-другому не понимает.

Заяц смотрел на робота и думал. Он был всего лишь плюшевым зайцем с одним ухом. Но у него была Лизочка — девочка, которая умела играть. И он вдруг понял, что знает то, чего не знает этот огромный страшный робот. Он знал, как играть в прятки.

Ночью, когда две луны зажглись над планетой, заяц выбрался из дупла. Куколка пыталась его удержать, но он сказал:

— Я пойду к нему.

— Ты с ума сошёл! Он тебя сломает!

— Может быть, — сказал заяц. — Но если я не пойду, он будет ломать всех. А я знаю одну игру. Настоящую. Ему понравится.

И он пошёл. По мягкой ватной траве, мимо пирамидальных деревьев, к замку из кубиков, где стоял робот. Робот заметил его сразу. Красные лампочки-глаза вспыхнули ярче.

— Игрушка, — прогудел робот голосом, похожим на скрежет шестерёнок. — Ты не в строю. Ты нарушаешь порядок.

— Я не в строю, — согласился заяц. — Потому что я играю.

Робот замер. Его клешни приподнялись.

— Играешь? — переспросил он. — В какую игру?

— В прятки, — сказал заяц. — Это когда один считает, а другие прячутся. А потом тот, кто считал, ищет. И если найдёт — тот, кого нашли, становится искать. Это очень весёлая игра.

Робот опустил ключ. В его металлической голове что-то щёлкнуло.

— Я не знаю такой игры, — признался он. — В моей программе только «порядок».

— А ты попробуй, — предложил заяц. — Я буду прятаться, а ты искать. Если найдёшь — я встану в строй. Навсегда.

Робот подумал. Лампочки в его глазах мигнули.

— Хорошо, — сказал он. — Я найду тебя за один оборот луны. Начинай прятаться.

Заяц убежал. Он спрятался за пирамидальным деревом, потом перебежал к другому, потом зарылся в ватную траву. Робот пошёл искать. Он шагал тяжело, заглядывал за деревья, поднимал камни. Он искал очень старательно. Но он был огромный и неуклюжий, а заяц — маленький и плюшевый. И ещё заяц умел хихикать в кулак, когда его почти находили.

Робот искал всю ночь. К утру он остановился посреди поляны. Лампочки в его глазах потускнели.

— Я не нашёл, — сказал он. И в голосе его — представьте себе! — прозвучала грусть. — Я никогда ничего не находил. Я только ставил ровно.

Тут заяц вышел из-за дерева.

— Ты проиграл, — сказал он. — Но это не страшно. В следующий раз найдёшь. Хочешь, я тебя научу?

Робот посмотрел на него сверху вниз. Красные лампочки стали мягче.

— Научи, — сказал он.

И заяц научил. Он научил робота считать до десяти, закрыв глаза (для этого роботу пришлось выключить лампочки), научил приседать и пригибаться, чтобы быть меньше, научил смеяться — сначала скрипуче, потом всё более звонко, как металлический колокольчик. И игрушки, которые прятались по кустам, увидели, что робот не ломает зайца, а играет с ним. Тогда они осмелели и вышли. Куколка в синем фантике прибежала первой и тоже стала играть. Потом оловянные солдатики — они оказались ужасно азартными и

всегда жульничали. Потом плюшевые мишки, заводные лягушки, деревянный конь. Вся планета играла в прятки. Робот искал, находил, смеялся и снова считал до десяти.

А потом в небе открылось круглое окно. Голубое, с золотистым ободком. И из него высунулась голова профессора Кряка в очках, а рядом — Лизочкина косичка.

— Зайчик! — закричала Лизочка. — Зайчик, ты здесь!

Заяц подпрыгнул и замахал лапами. Робот поднял его своими клешнями и бережно поднёс к окну.

— Это твой заяц? — прогудел робот.

— Мой! — Лизочка протянула руки и забрала зайца. — Спасибо, что не сломал его.

— Я не ломаю, — сказал робот и вдруг смутился. — Я... я теперь играю. Заяц научил. Мы играем в прятки. Все вместе.

Профессор Кряк поправил очки и посмотрел на планету. Игрушки стояли не ровными рядами, а в кружок, держась за руки. Две луны светили над ними. И робот-конструктор сидел на траве, а на его металлической голове сидел заводной лягушонок и квакал.

— Кря, — сказал профессор. — Знаешь, Лизочка, я, кажется, понял. Портал надо было делать не для того, чтобы перемещаться в пространстве. А для того, чтобы понять, что бывает по-другому.

Он нажал кнопку, и окно закрылось. Лизочка прижала к себе зайца — серого, с одним ухом, с синей ниткой. Заяц пах ватной травой и приключениями.

А на планете с двумя лунами с тех пор каждый вечер слышался звонкий металлический смех. Робот-Конструктор считал до десяти, закрыв глаза-лампочки, а игрушки разбегались кто куда. И никто, никто на этой планете больше не стоял ровно в строю — потому что играть вместе оказалось в тысячу раз интереснее, чем стоять по правилам.

А профессор Кряк с тех пор каждую среду приходит к Лизочке и просит:

— Расскажи мне ещё какую-нибудь игру. Я хочу знать все.

И Лизочка рассказывает. А заяц сидит рядом и кивает — он-то знает, что игры делают Вселенную добрее. Даже если ты всего лишь плюшевый заяц с одним ухом.

Мастер Пип, шапка-невидимка и чаепитие у жирафов

На улице Пряничной, в доме с мастерской на первом этаже и жилой комнатой на втором, жил-был мастер Пип. Он был изобретателем-самоучкой, а это значит, что ни в каком институте он не учился, дипломов не получал и вообще не любил, когда его называли «мастером» с уважением — он говорил: «Какой я мастер, я так, ковыряюсь». Но ковырялся он так, что вся улица Пряничная ходила к нему чинить чайники, очки, заводные игрушки и даже однажды — сломанную скрипку, которую он починил, но играть на ней так и не научился, потому что у него были короткие пальцы и абсолютный слух наоборот.

Мастерская Пипа была маленькая, но в ней помещалось всё: стол с тисками, шкаф с катушками, коробками и баночками, швейная машинка с колесом, которое надо было крутить ногой, и вечная гора тряпок всех цветов. Пип любил шить. Он шил занавески, покрывала, фартуки и однажды даже сшил себе пальто, которое, к сожалению, оказалось сшитым сразу с обеих сторон — и на улицу, и внутрь. Пип в нём проходил неделю, потому что было смешно, а потом распорол.

И вот однажды, в четверг, когда за окном моросил дождь,

а в мастерской пахло нагретым утюгом и машинным маслом, мастер Пип задумал шапку-невидимку. Не простую, а настоящую, волшебную, чтобы человек надевал её — и его никто не видел. Он три ночи не спал, чертил, кроил, сшивал, вшивал внутрь какие-то медные пластинки, которые нашёл в коробке из-под печенья, и наконец шапка была готова. Выглядела она как обычная вязаная шапка, серо-зелёная, с помпоном. Пип надел её, посмотрел в зеркало — и увидел себя. Совершенно.

— Хм, — сказал он. — Странно. По расчётам, я должен был исчезнуть.

Он снял шапку, повертел, почесал затылок, потом снова надел. И снова увидел себя.

— Ах, — сказал он, — понял. — Секрет в весе. Шапка работает только на тех, кто весит больше тонны. В моих медных пластинках слишком маленькая индуктивность для лёгкого веса. Надо было больше меди, а у меня не было. Ну и ладно. Всё равно штука интересная. Надо проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.